

КРОКОДИЛ

№ 13 МОСКВА 1939
М А Й
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

К Самырьеву (Щеринь). Рис. Л. Бродаты

ПОМПАДУРЫ НАШИХ ДНЕЙ:
— Клевета! Мы будем жаловаться! Он давно умер и писать о нас не мог!..

12 556 / 39 г.

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Родился 27го января 1826 г.

УМЕР 10го мая 1889 г.

Большая совесть большого человека

«Пропала совесть» — так называется одна из лучших сказок Щедрина.

Совесть долго скиталась в мире наживы, капиталистической эксплуатации, чиновничьего произвола и воровства. Совесть всем мешала. С нею нельзя было прожить. От нее отделялись всеми средствами. Пропойца подбросил ее кабатчику, кабатчик — квартальному, квартальный — капиталисту, капиталист — генералу... Все смотрели на совесть как на несчастье, проклинали ее и старались поскорее вышвырнуть.

Истрепавшаяся в этих скитаниях, забитая, запуганная, робкая совесть взмолилась последнему своему содержателю, какому-то мещанинишке, который в проходном ряду пылью торговал...

«...отыщи ты мне маленькое русское дитя, — просила совесть, — раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня в нем! авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведет, да и в люди потом со мной выйдет — не погнушается.

По этому ее слову, все так и сделалось. Отыскал мещанинишка маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил в нем совесть.

Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама».

***

Огромна любовь к русскому народу в этой сказке Щедрина и глубока вера в народ.

Исполнилось пророчество Щедрина. Маленькое русское дитя родилось в простой рабочей семье. Оно росло в нужде, в труде и в борьбе, и с ним росла совесть. Из ребенка большой вырос человек, так он и стал называться: большевик. А большая его совесть, уже не робкая, а смелая, революционная, стала называться коммунизмом, марксизмом-ленинизмом.

Вырос большой человек с ленинской, со сталинской совестью и уничтожил он всех, кто гнал, преследовал, тиранил совесть, всех, кто жил неправдой, бесчестной наживой, кто богател от чужих трудов. Большой человек с ленинской, со сталинской совестью изгнал, уничтожил и капиталиста, и кабатчика-миroeда, и квартального Ловца, и генерала.

Большой человек построил социализм. И исчезли неправда, коварство и насилия. И стала русская земля такой, какой видел ее в своих мечтах великий русский писатель-сатирик: свободной, счастливой, великой родиной свободного, сильного, гордого советского народа.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Странные сказки

Кругла, и бела
И прекрасно видна,
Над площадью Свердлова
Всходит луна.

И ровно весь город дышит,
И звезды так низко светятся,
Что кошка лезет по крыше
К кастрюльке Большой
Медведицы.

И мальчику каждому
Вместе со всеми
За сказки усесться
Самое время.

И я против них
Ничего не скажу,
И я, хоть не маленький,
«Сказки» держу.

Давишняя книга...
Различной окраски
В ней звери и рыбки зубастые
Я книжку листаю,
Но странные сказки:
Они не хотят быть сказками.

И я представляю
Далекий вечер,
В кривых канделябрах
Сонные свечи.
Я слышу, как книги
Шуршат у детей...

Оставив леса
И вступая за людей,
Ходили по спальням
Чиновников лысых
Костявые волки
И рыжие лисы.

И выпрыгнув вверх
Из родного песка,
В сервизах плескался
Премудрый пескарь.

Сапожникам в окна,
Сановникам в двери
Стучались тихонько
Забавные звери.

Они уходили
В ночи на рассвете,
Глазами вода раскосыми...
И сказочки эти
Слушали дети,
А понимали взрослые.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

КАК ДВА ГЕНЕРАЛА МУЖИКА НАКОРМИЛИ

Рис. К. Рогова

«Как мужик двух генералов накормил» — это сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Как два генерала мужика накормили — это быль.

На нашем рисунке показано, как два бывших царских генерала, ныне работающих лакеями в парижском кафе, прислуживают «мужику», приехавшему из СССР в Париж в научную командировку.

Рис. Б. Пророкова

«...у него на лице что-то странное. Всматриваюсь — следы человеческой пятерни.

— Что такое у вас на лице? — спросил я.

— Пятерня. Это от прошлого».

(Н. Щедрин «Современная идиллия»).

Разговор с бюрократом

Это был бюрократ. Настоящий. Его стол за бурым фанерным барьером в канцелярии был как бы утесом, о который разбивались волны посетительского негодования и смирения, угроз и просьб, надежд и отчаяния.

Я, медленно продвигаясь в очереди, ожидал своего часа изложить этому канцелярскому божеству суть дела, которое привело меня в его украшенное столами, барьером и пыльными шкафами капище... Вот между мною и им, бюрократом, осталась одна только посетительница. Я невольно прислушиваюсь к тому, что говорит эта посетительница:

— Будьте так добры, товарищ, распорядитесь о выдаче мне справки! Не могу я каждый день сюда ходить: я ведь сама человек служащий...

— Мне это неизвестно, — величественно отвечает бюрократ.

— Как же «неизвестно»?.. Вот мое удостоверение, что служу я, служу...

— Мне это неизвестно... Давайте, следующий!

И бюрократ поглядел на меня оловянными глазами и заскрипел:

— Вам что угодно?

— Видите ли, я являюсь представителем...

— А сами-то вы кто?

— Я, знаете ли, литератор...

И вдруг в оловянных глазах бюрократа нечто промелькнуло, этакое отдаленное подобие интереса, мысли и даже чувства. Внезапно бюрократ сказал:

— У меня имеются вопросы. Зайдите сюда... Нет, вон там есть дверка...

Я послушно прошел через дверку и очутился по ту сторону барьера.

— Вот вы говорите: вы литератор. Так. Может быть, вы и Салтыкова-Щедрина знаете? Он ведь тоже, кажется, пишет.

— Писал, — мягко поправил я.

— Ага. Бросил, значит?

— Как вам, вероятно, известно, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин скончался пятьдесят лет тому назад. Потому, собственно, он и писать бросил.

— Мне это неизвестно, — уже с привычной интонацией ответил мой собеседник.

— Да разве вы его не читали, Салтыкова-Щедрина?

— Не читал. Привычки этой нету. И поскольку я на ответственной работе, не думаю, чтобы мне и нужно было читать. Но только насчет того, что Салтыков-Щедрин умер, вы что-то путаете.

— Уверяю вас!

— Позвольте, если он умер, то как он мог написать про меня?

— Когда?!

— На той шестидневке. Кто-то там тиснул заметочку про меня в нашей областной газете и, между прочим, пишет: «Про этот случай Салтыков-Щедрин сказал то-то и то-то...»

— Так ведь это он сказал в свое время, в семидесятых годах.

— Простите! В семидесятых годах он моего

Сколько раз за эти пятьдесят лет, прошедшие со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина, журналисты начинали: «Еще М. Е. Салтыков-Щедрин писал...»!

И, тем не менее, мы принуждены пойти по этому проторенному пути и так начать настоящую заметку:

Еще М. Е. Салтыков-Щедрин писал о бюрократе, который, получив сложную бумагу, вызвал к себе одного из своих соратников и, дав ему прочесть одну бумагу, спросил:

— Понимаете?

— Понимать не понимаю, ваше превосходительство, но ответить берусь.

Об этом писал еще Салтыков-Щедрин. И, тем не менее, 2 апреля 1939 года акурат по этому рецепту поступил заместитель начальника приемной и бюро по рассмотрению жалоб Наркомтопа товарищу Скобкин.

Оный Скобкин получил письмо на имя товарища Л. М. Кагановича, в каковом письме выражена благодарность наркому за его помощь в организации детской музыкальной школы в Свердловске. Письмо написано от имени общего собрания родителей и изложено самым ясным слогом. Повторяем: это благодарность.

И в ответ на благодарственное письмо вышереченный Скобкин прислал открытку, которая убедительным образом свидетельствует, что Скобкин хотя и отвечает, но не слишком понимает, на что отвечает.

Вот она, эта открытка:

2/IV 1939 г.

Бюро по приему и рассмотрению жалоб НКТП сообщает, что Ваше заявление, адресованное на имя Народного Комиссара Топливной Промышленности тов. Л. М. Кагановича, направлено 2-го апреля 1939 г. за № 51/гр.—8999 нач-ку Центрального Бюро жалоб НКПС на рассмотрение.

О результатах просьба справиться непосредственно в указанном учреждении.

Зам. Начальника Приемной и Бюро по приему и рассмотрению жалоб Скобкин

Ну, если замначальника Скобкин до такой степени не понимает разницы между благодарностью и жалобой, то пусть считает, что и настоящая заметка есть нечто вроде благодарности в приказе по его адресу.

В. АРДОВ

Рис. Л. Бродаты

СИЕ¹ ОТ ВАС НЕ ЗАВИСИТ...

¹ Т. е. ни закрытие Америки, ни наши беспосадочные полеты в Америку.

Рис. Ю. Ганфа

... В'ехал на коричневом коне, сжег гимназию и упразднил науки.

Большое упущение

С одной стороны, нельзя не сознаться: покойный талантливый классик Салтыков-Щедрин М. Е. многое совершил для поднятия критики на небывалую высоту.

Но, с другой стороны, нельзя не признать, что все же стопроцентного охвата он достичь не сумел.

Чтобы не быть голословным, мы это сразу докажем одним ярким конкретным примером.

У Щедрина в его сочинениях имеется на сегодняшний день грубо ориентировочно свыше трехсот фамилий. Разные тут фамилии: Угрюм-Бурчев, Неослабный, Перехват-Залихватский, Балалайкин, Головлев, Подхалимов.

Есть и фамилия Орлов.

Но это Федот, да не тот. Не из Харькова. Не начальник Харэнерго.

А между тем великому сатирику надлежало бы уделить побольше своего пристального внимания харьковскому Орлову.

Следует подчеркнуть, что на этого Орлова одной какой-либо щедринской фразой не угодишь. Это такой персонаж, которому подстать любая щедринская цитата. Возьмешь цитату, примеришь ее к Орлову и видишь: сидит хорошо, точно для него специально сшита, и в талии не жмет, и рукава в акурат.

О некоторых своих неказистых героях Салтыков-Щедрин сказал так:

«Совесь свою до дыр износили. А взамен совести выросло у них во рту по два языка, и оба лгут, иногда поочереды, а иногда — это еще постыднее — оба зараз».

Смеем вас уверить, что это суждение полностью относится к Орлову, начальнику Харэнерго. В будни, в служебное время, он только и делает, что... Короче говоря, правду он говорит лишь по выходным дням. Но за последнее время он в порыве административного рвения не часто пользуется выходными днями...

Щедрин в «Истории одного города» рассказывает о том, что в древности был народ, головотяпами именуемый: «Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами об все, что бы ни встретилось по пути. Стена попадетя — об стену тяпают; богу молиться начнут — об пол тяпают».

Из дальнейшего нашего рассказа вы с полной очевидностью убедитесь в том, что Орлов является прямым потомком этого древнего народа, головотяпами именуемого.

«В некотором царстве, в некотором государстве, — повествует Щедрин, — жил-был Прокурор, и было у него два ока: одно — дреманное, а другое — недреманное. Дреманным оком он ровно ничего не видел, а недреманным видел пустяки».

Орлов из Харькова сильно смахивает на этого прокурора. Дреманным оком он ничего не

видит, потому что безграмотен и мало мыслит в том деле, которым руководить поставлен. А недреманным оком видит пустяки, и об этих пустяках с утра до вечера сочиняет на удивление всем пространные приказы. Точь-точь как щедринский бюрократ:

«Каждый день перед ним клали известную порцию бумаг, и ежели эта порция случайно уменьшалась, то он приметно начинал беспокоиться, упрекал подчиненных в нерадении и требовал усугубления рвення...»

Все приведенные выше характеристики Орлова подтверждаются фактами, к краткому изложению которых мы и приступаем.

Получив в Харэнерго бразды правления, Орлов, человек невежественный, решил: начальнику не приличествует учиться, начальник обязан издавать приказы и с корнем вырывать малейшую попытку, которая является помехой в развитии и углублении приказотворчества.

А так как подчиненные ему инженеры Казакевич и Иващенко дерзали указывать ему, начальнику, на его, начальника, неточности, ошибки и благоглупости, то он, начальник, загорелся гневом и в очередном приказе повелел: уволить Казакевича и Иващенко, лишить телефона и предать суду.

Вот что, например, было сказано в приказе о Казакевиче:

«За упорный саботаж при составлении графика... за деморализацию... за срыв... — главного диспетчера Казакевича Б. М. от работы отстранить».

«Передать дело прокурору».

«Немедленно обеспечить отсоединение телефона квартиры Казакевича от коммутатора».

Обеспечили отсоединение телефона. Передали дело прокурору.

Прокурор в действиях Казакевича не обнаружил ни саботажа, ни деморализации, ни срыва.

Начальник не успокоился на достигнутых успехах. Он громогласно обозвал Казакевича «врагом партии».

Казакевич апеллировал к общему партийному собранию.

Собрание постановило:

«Приказ о снятии тов. Казакевича с работы считать неправильным, и формулировка приказа за саботаж не соответствует действительности».

За клевету на члена партии тов. Казакевича, необоснованное обвинение (во вражеских действиях и саботаже) объявить тов. Орлову выговор с занесением в личное дело».

На том же собрании выступил и тов. Иващенко, который просил оградить его от клеветы Орлова. Но нашлись премудрые пескари, которые решили, что хотя Орлов и виноват, но «ввиду того, что тов. Орлов на данном партсобрании получил партвысказание за аналогичное клеветническое заявление на тов. Казакевича, партсобрание не считает нужным рассматривать вопрос о наложении взыскания на тов. Орлова».

Другими словами: если ты украл и за эту кражу осужден, то можешь дальше красть и мы тебя судить не будем...

Начальник, ободренный такой резолюцией премудрых пискарей, продолжал издеваться и над Казакевичем и над Иващенко.

Казакевич подал в суд. Суд присудил Орлова к шести месяцам принудительных работ по месту службы.

Где же тепер Орлов?

В Харькове, во главе Харэнерго.

Где Казакевич?

В Москве, обивает пороги Главюжэнерго.

Ему тут сказали:

— Вам не следует возвращаться в Харьков. Для оздоровления атмосферы мы вас пошлем на другую работу.

Очень странно! Для оздоровления атмосферы оставляют на работе невежду и клеветника. А честного коммуниста-инженера отсылают подальше — «для оздоровления атмосферы»...

Большой пропуск у великого сатирика! И о том и о сем очень красочно он писал. А вот прошел мимо Орлова из Харькова, мимо всей этой истории, прошел и не сказал ни слова. Не предвидел...

Г. РЫКЛИН

Рис. К. Елисеева

ОДОЛЕЛ НАУКУ

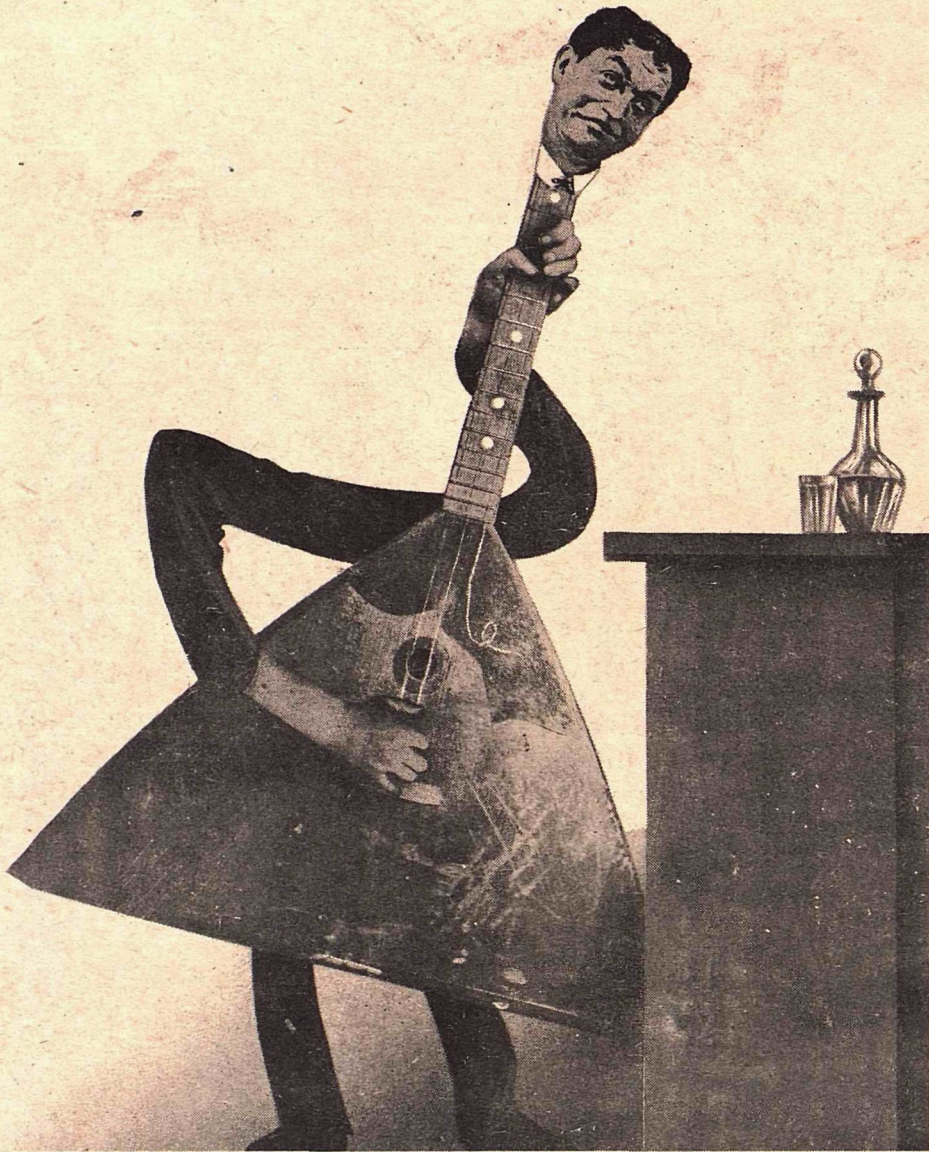
«Вообразить себе этого атлета-юношу, с его запасами решимости и свирепости, встречающегося где-нибудь в глухом переулке один-на-один с «наукой», значило заранее определить участь последней».

(Н. Щедрин «Господа ташкентцы»).

БОЛТУН

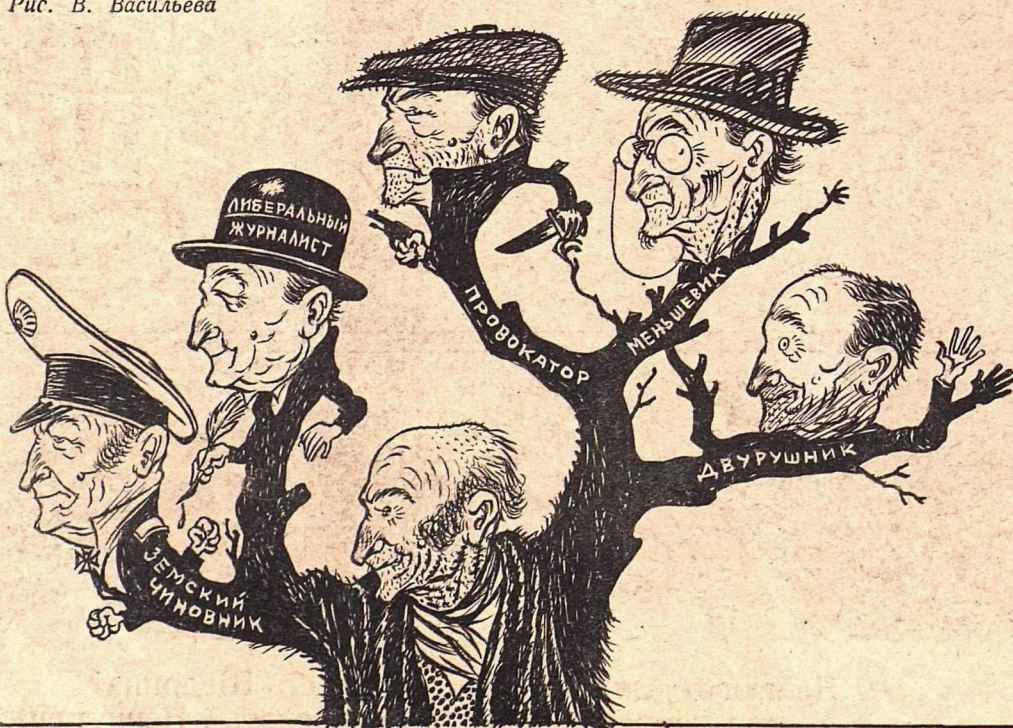
Фотомонтаж Б. Клипча

Современный Балалайкин на трибуне.

ИДУШКИ

Рис. В. Васильева

Древо и его ответвления.

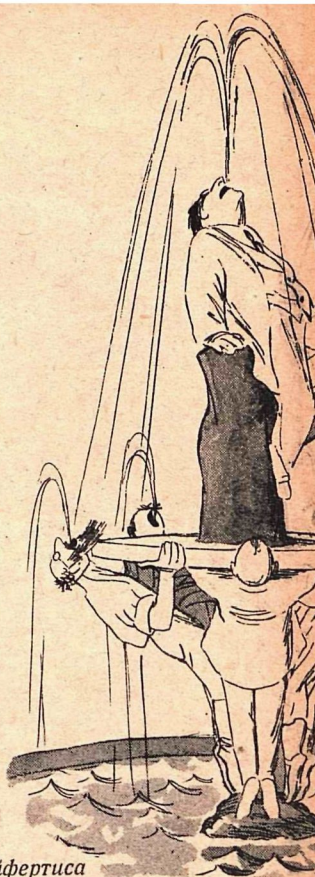

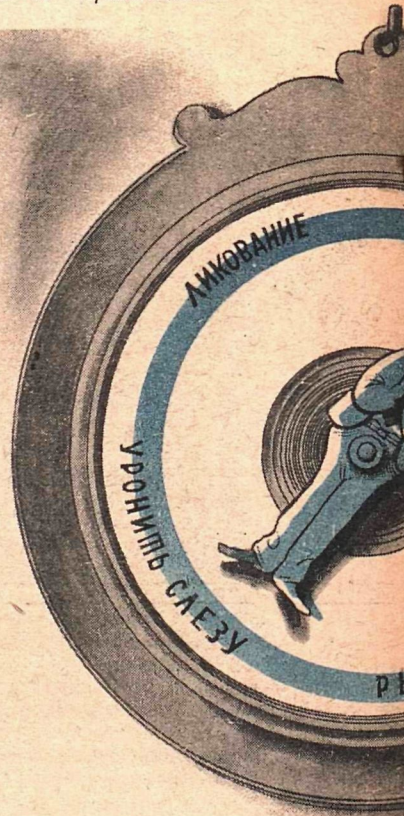
Рис. Л. Соифертуса

ФОНТАН

«Есть люди, которые не ни одной зародившейся в одного известия, услышанного. Пока они не опорожняют того, что у них имеется, по человеку, каждому особому спокойны».

(Н. Щедрин «Н...

Рис. М. Храпковского

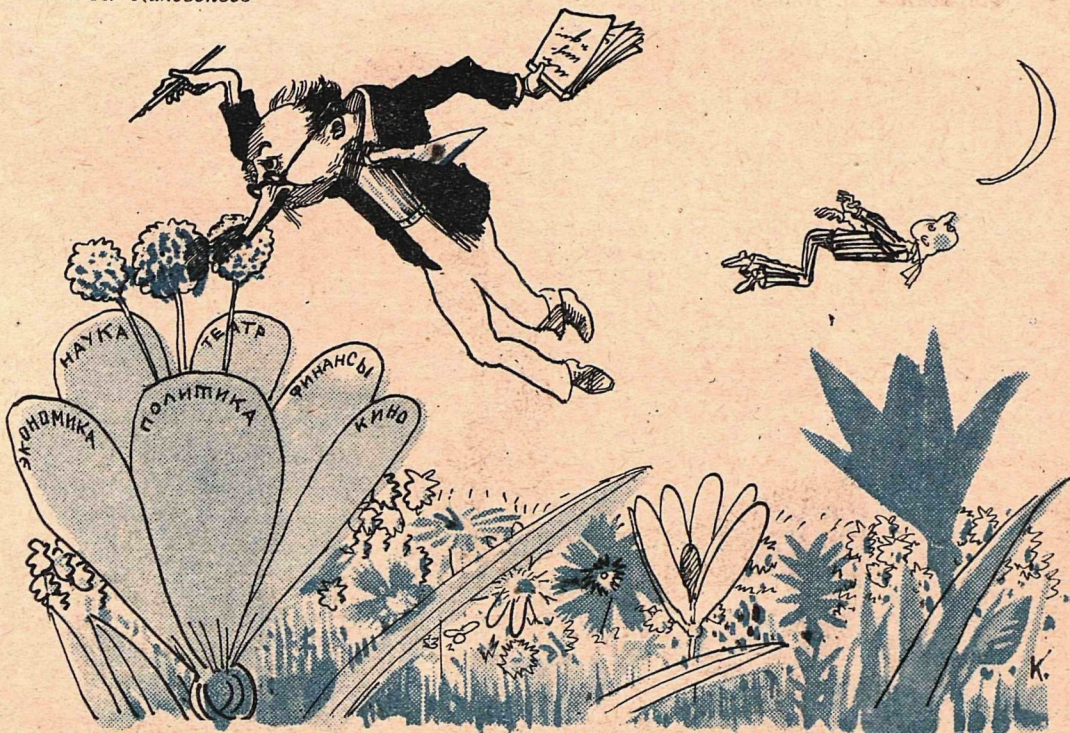
«...Умиление, по обоим — он умилится; ликование. Ежели потребуется сердце, слова не скажет — уро...

(Н. Щедрин «Н...

ВЕРХОГЛЯД

Рис. А. Каневского

«Человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом; человек, изучивший форму кредитных билетов, называет себя финансистом... Все это люди, не обремененные знаниями...»

(Н. Щедрин «Господа ташкентцы»).

Рис. М. Храпковского

ПИСКАРИ

— Не назвать ли одну из улиц в честь Щедрина?

— А стоит ли нам так его рекламировать? Начнут еще читать его, и, того гляди, такие нежелательные сравнения появятся.

Н
могут хранить в себе
их голове мысли, ни
ного от других.
ся, т. е. не расскажут
о крайней мере, пяти
о, они не могут быть

аши бури и непогоды»).

РОМЕТР

стоятельствам, потребует-
ование — он возликует...
ьезно уронить слезу—он
нит...»

Щедрин «Пестрые письма»).

Бумаги на подпись

«— А у нас, ваше превосходительство,— говорит Порфирий Петрович:— случилось на прошлой неделе обстоятельство. Получили мы из Рожновской палаты бумагу-с. Читали мы, читали эту бумагу—ничего не понимаем, а бумага, видим, нужная. Вот только и говорит Иван Кузьмич: «позовемте, господа, архивариуса,— может быть, он поймет». И точно-с, призываем архивариуса, прочитал он бумагу. «Понимаешь?»— спрашиваем мы.— «Понимать не понимаю, а отвечать могу». Верите ли, ваше превосходительство, ведь и в самом деле написал бумагу в палец толщиной, только еще непонятнее первой. Однако, мы подписали и отправили».

М. Е. Салтыков-Щедрин
«Губернские очерки».

Оказывается, что потомки архивариуса, Порфирия Петровича и Ивана Кузьмича живы до сих пор. Только из губернских палат они пересели в Омскую контору Заготскота, в Агрыское районное отделение милиции, в Лиознянский местечковый совет... И тоже подписывают и отправляют.

О ПОРЯДКЕ ОФОРМЛЕНИЯ

Омская областная контора Заготскота дала указание своим районным конторам:

«Препровождая копию распоряжения В/О Союззаготскот, от 2/II-39 г. за № 350502, о порядке оформления и учета скота поступающего от колхозников в порядке ликвидации устава сельхозартели, предлагаем провести его в жизнь немедленно.

Зам. Управляющего Облзаготскотом **Беляков**
Глав. Бухгалтер **Афонин**
Нач. Сектора Оперучета **Кучия**.

КТО БЫЛ ПЬЯН!

«1939 года, января 5-го дня, 1 уч. инспектор Агрыского РОМ НКВД ТАССР Жвакин, сего числа рассмотрев материал за № 1188 по обвинению гражданина Окишева Ивана

Нашел:

1938 года 7-го ноября ходил в гости вместе со своей женой Анной к отцу где выпил до пьяна и пошел домой, во время пути следования гр-н Окишев не запи не нанес жене удар по лицу, жена вырвалась и убежала, гр-н Окишев избивает жену уже не первый раз, а по этому производства прекратить в порядке ст. 204 УПК.

Уч. инспектор **Жвакин**
Согласен: Вр. нач. Агрыского РОМ

Сержант милиции **Сабиров**.

«СУЩИМ ВО ГРОБЕХ ЖИВОТ ДАРОВАВ»

Лиознянский местечковый совет, где увидел свет приводимый ниже документ, находится в Витебской области, БССР.

«Справка.

Дана таковая гр-ну Лавину М. Я. в том, что он дей-

ствительно не находится в живых, умер 25-го января 1939 года. Справка дана для представления Лиознянский Стражасы для получения за похороны.

Председатель Местсовета
Луценко

Секретарь Местсовета Про-
свещенникова.

ПОДКУПАЮЩАЯ ИСКРЕННОСТЬ

Не в пример бумагам, о которых упоминает М. Е. Салтыков-Щедрин, в этой записке председателя Черниговского обкома союза рабочих МТС, наоборот, все ясно. Никаких кривотолков ермолаевская искренность не допускает. Записка, подписанная И. Ермолаевым и адресованная в обком союза:

«Я не был сегодня в Обкоме союза потому, что третий день пьянствую.

И. Ермолаев».

Заячья душа

Даже когда Михаил Михайлович Ранев укладывается, наконец, в постель, мысли, как черные мухи, всю ночь не дают ему покоя.

Действительно, разве за всем уследишь? Вот, скажем, недавно задела одного крупного товарища, которого лучше было не задевать. А вчера, наоборот, недозадела другого крупного товарища, которого именно сейчас выгодно задеть.

Трудно приходится заячьей душе, если она выбрала себе совсем не подходящую оболочку—редактора некоего печатного органа. Бедный, бедный заяц, ему ведь нужно ходить по тропинке тигров!

И вот по длинному редакционному коридору с круглыми пароходными люками мчится курьер:

— Гвоздикова к Михал Михалычу!

Театральный рецензент вяло плетется в кабинет. Ему заранее кисло: он знает, что предел критических дерзаний редактора—это театр Планетария или джаз, играющий в фойе кино «Чары».

Михаил Михайлович, склонив затылок, медленно читал:

«...к сожалению, замечательная пьеса Шекспира не нашла достойного сценического истолкования. Режиссер Концупский очень плохо справился со своей задачей...»

Редактор остановился:

— Позвольте, позвольте, Гвоздиков, ведь этот Концупский—орденоносец?

— Да. Орденоносец. И заслуженный деятель искусств.

Михаил Михайлович от неудовольствия даже заикнулся:

— Сколько раз я вас просил в рецензиях не пропускать званий... Я же должен... ну... ориентироваться...

И старательно вписав все титулы, Ранев перечел:

— «...к сожалению, замечательная пьеса Шекспира не нашла достойного сценического истолкования. Заслуженный деятель искусств, орденоносец Концупский очень плохо справился...» Гм, гм... Что же это у вас получается, Гвоздиков?

Рецензент уныло молчал.

— У вас получается, что режиссер-орденоносец не справился с пьесой драматурга-орденоносца... Как это может быть?!

— Но ведь это Шекспир!

— Ну так что, если Шекспир? Понимаю, если режиссер, имеющий «Знак почета», не справился бы с пьесой драматурга, у которого «Трудовое знамя»... Это естественно... А так...—и, махнув рукой, добавил:— Придется вычеркнуть...

Рецензент обрадовался:

— Вычеркнуть звание Концупского?

— Да нет!.. Вычеркнуть, что он не справился с Шекспиром... Я сам за беспощадную критику, но не так же, Гвоздиков... Сейчас как раз шекспировский юбилей... 375 лет...

Оба—и редактор и рецензент—забыли, что, кроме шекспировского юбилея, наступил и щедринский. А еще чиновник Передрагин из «Пестрых писем» Михаила Евграфовича отличился тем, что однажды по поручению написал проект «о расширении, на случай надобности, области компетенции», а в другой раз, тоже по поручению, написал другой проект «или наоборот»...

На театральных рецензиях не кончались страхи заячьей души. Если Раневу на глаза попадалась заметка, в которой репортер сообщал, что «качество сиропов в киосках и сатураторах чрезвычайно низко», то у него моментально портилось настроение.

— Это—обобщение,—выговаривал он заикаясь.—По-вашему, выходит, что в красной столице передового в мире государства плохие сиропы?..

— А при чем тут красная столица, Михаил Михайлович? Возьмите и попробуйте сами, например клюквенный...

Но редактор не давал репортеру закончить:— Тогда так и пишите. Отдельные, мол, клюквенные сиропы в некоторых сатураторах по вине кое-каких работников... Вот это деловая критика!..

А один раз Ранев с мрачным выражением лица вошел в кабинет секретаря редакции. В руках у него была смятая полоса типографского оттиска.

Он сердито черкнул ногтем по телеграмме:— Читай!

«Вчера над Новороссийском пронесся шквал с дождем. Во многих домах выбиты стекла».

Секретарь редакции, невозмутимый любитель футбола, бокса и боя быков, удивленно взглянул на него:

— Ну что здесь такого?

— А вот другая заметка—шквал с дождем над Туапсе. Тоже выбиты стекла.

— Ну?

Редактор рассердился:

— Что «ну»? Нужно иметь политическое чутье. Это же—обобщение. По всей стране шквалы с дождем... Нет, про Новороссийск ты оставь, а про Туапсе вычеркни...

И Михаил Михайлович направился было к двери. Потом он вернулся:

— Или, знаешь, лучше напишем, что в Туапсе яркий солнечный день, пляж усеян купающимися, в городском театре с большим успехом прошел «Богдан Хмельницкий» Корнейчука...

— А при чем тут «Богдан Хмельницкий»?— Как противовес шквалу. Шквал—это неполадки, а «Богдан Хмельницкий»—достижение...

Страх «обобщений» настолько обуял сотрудников раневского печатного органа, что заведующий отделом объявлений поминутно звонил секретарю редакции:

— Тут у меня, понимаешь, подряд четыре объявления о том, что одинокий инженер ищет комнату с удобствами... Можно печатать?

— Почему же нет?

— Все-таки, знаешь, какое-то обобщение... Что еще Михаил Михайлович скажет?..

Кстати, должен сознаться, что этот фельетон я диктовал машинистке, работающей под началом у вышеупомянутой заячьей души. Примерно на десятой строке она вздрогнула и спросила:

— Это что же—обобщение?

Но я успокоительно заметил:

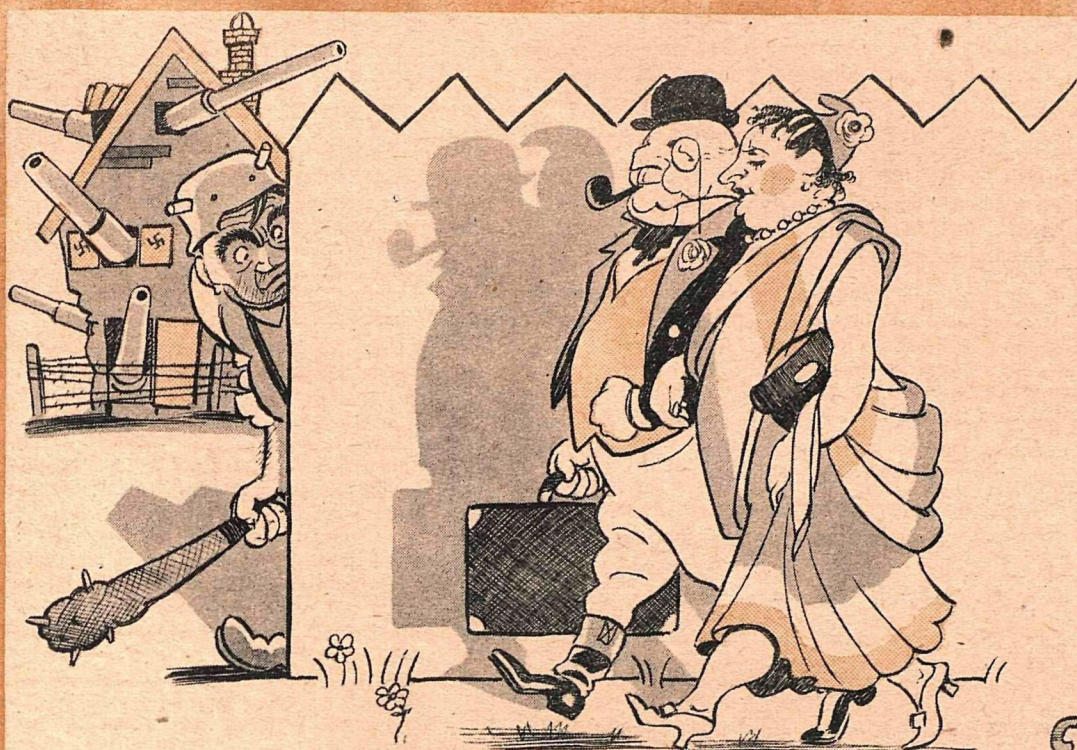
— Не волнуйтесь, Тамара, печатайте. Это вполне конкретный печальный случай...

Е. БЕРМОНТ

«ПОСЕМУ Я ПОЛАГАЮ РАЗДЕЛИТЬ СИХ ЛЮДЕЙ НА ТРИ КАТЕГОРИИ:

Рис. Ю. Ганфа

первую — разорить

вторую — расточить

третью — выдержав при полиции, водворить в места жительства под строгий надзор».

(Н. Щедрин «Благонамеренные речи»)

ГОЛОВЫ И НОГИ

Один глуповский градоначальник жаловался другому: «Какие, брат, мы с тобой градоначальники! У меня солнце каждый день на востоке встает, и я не могу распорядиться, чтобы оно вставало на западе!»

Как видим, оный начальник, будучи зело высокого мнения о своих полномочиях, все же смекал, что они не простираются на суровые законы природы.

Другое дело — начальник отдела снабжения одного из заводов в Дзержинске (Горьковской обл.) Горчаковский. Вот у кого могли бы поучиться незадачливые глуповские администраторы крутому обращению со слепыми силами стихии. И не только с какими-то там небесными светилами, но и с самой человеческой природой.

Совсем недавно Горчаковский одним махом отменил для всех работников коммунального отдела завода право иметь ноги разных фасонов: правую и левую. Подобная блажь была объявлена опасным вольнодумством, и для борьбы с нею на склад завода срочно привезли 992 пары калош... но только на одну и притом только на левую ногу!

Коммунальщики пытались протестовать. Стыдливо краснея за несовершенство своих конечностей, они уверяли, что ничего не могут с этим поделать. Они будто бы с детства привыкли к мысли, что им придется пользоваться разными ногами, что это таит в себе даже некоторое удобство: все-таки знаешь, где и какая у тебя нога.

Горчаковский был неумолим. В специальном поучении, присланном в редакцию местной газеты, он в блестящем стиле разбил ненаучную аргументацию своих противников и, как дважды-два, доказал, что он, Горчаковский, прав,

а они, его противники, просто безнадежные эстеты и идеалисты.

«Спецдежда, — писал Горчаковский в сем прелестном документе, — ...не требует модельной выработки на каждого потребителя... эстетика не столь нужна в этом деле, а нада реальная на время работы обувь. Отсюда галоши на одну ногу совсем уже не такая плохая вещь, а, пожалуй, наоборот!»

Не знаем, одобрили ли коммунальщики теоретические упражнения Горчаковского. Пожалуй, наоборот. Но что касается руководителей Североенисейского Золотопродснаба, то они, вероятно, с превеликим энтузиазмом встретили откровения новоявленного философа от снабжения.

Не будучи столь подкованными в теории унификации конечностей, они давно уже рекомендовали себя способными практиками. Все 200 пар калош, поступивших в марте на полки магазина Золотопродснаба, что в Североенисейске, оказались тщательно подобранными только на одну и притом только на правую ногу.

Трудно предугадать, как будут дальше развиваться события. Может быть, и в Дзержинске и в Североенисейске откроют пока что кустарные мастерские по реконструкции ног? Или, уступив несознательным элементам, организуют этакую посылочно-обменную контору («Мы вам правую калошу № 9, а вы нам левую № 11»)?

Ясно одно: в обоих названных пунктах снабженцы составляют заявки ногами. Правой или левой — безразлично. Во всяком случае, без участия головы.

Л. МАКСИМОВ

Помпадуры

Помпадурами Салтыков-Щедрин называл реальных чиновников. Помпадуры, конечно, гораздо больше интересовала причитающаяся им доза почтительности со стороны подчиненных нежели суть того дела, которым они занимались. Можем сообщить, что некоторое количество помпадуры имеется и у нас в СССР. Трех из них мы охотно представим читателю.

Вот, например, заместитель начальника Росглавкомбикорма Ивановский. Этот заканчивает свою бумагу в один из главков Наркомторга такими звучными медью словами:

«Просим категорически запретить всякую переписку низовых получателей с нами и непосредственные разговоры, а также переписку будем иметь только с Главками, с которыми подписаны основные условия».

Помпадуры № 2 — некто Бассин, заместитель управляющего Укрмяссыбыта (Киев). Этот помпадуры изясняется с нижестоящей организацией уже и не сам, а устами одного из своей свиты. Изясняется так:

«Управляющему Днепропетровской Облконторой т. Найдису. Согласно распоряжения Зам. Управляющего Укрмяссыбыта тов. Бассина Ваши два письма возвращаются без рассмотрения, поскольку они написаны в стиле, недопустимом в переписке с вышестоящей организацией».

Исполнитель Отдела Материально-Технического Снабжения Брагинский».

Помпадуры № 3, точнее, помпадуриша. Помпадуриша — она же главный бухгалтер Лаптева. Трудится в республиканской конторе Главтабака Удмуртской АССР (Ижевск). Вот что пишет Лаптева:

«Сарапульской Базе «Главтабак»

Подтверждаем получение от Вас соглашения по досрочному представлению баланса за февраль месяц Вашей базы с Глазовской базой. Одновременно сообщаем, что нами произведены исправления Ваших выражений в соглашении. Слово «предлагаем» заменили «вызываем» и кроме того ставим Вас в известность, что Вы нашей базе не имеете права «предлагать», а поэтому слово «предлагаем» по отношению к нашей базе мы заменили «желаем» и обязываем нашего секретаря в чем-либо Вы тоже не уполномочены, т. к. Вам же известно, что он находится в распоряжении и подчинении Н/управляющего, так что рекомендуем в дальнейшем выражения Вами употреблять более точно, т. е. с ограничением ваших прав по отношению к нашей базе и к другим подчиненным нам базам...

Глав. Бухгалтер Лаптева».

Размышляя о трех помпадурах, которых мы назвали выше, мы склонны их даже пожалеть. В конце концов, ну что это за выход помпадуры ярости в тусклых канцелярских бумажках? Нет, не те помпадуры, что были. Небось, и Ивановский в Москве, и Бассин в Киеве, и Лаптева в Ижевске мечтают о том помпадурыском великолении, которое описал Щедрин:

«По внешнему виду в нем не было ничего ужасного, но внутри его скрывалась молния». Мельчают помпадуры. Мельчают. Однако не выводятся так скоро, как хотелось бы.

ЦИТАТЫ КСТАТИ

Идя навстречу широкому читательскому и писательскому массам, мы решили восстановить в их памяти отдельные крылатые изречения М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые не утратили своей свежести и актуальности и в наши дни. Эти цитаты с успехом могут быть использованы в периодической печати, а также на собраниях и совещаниях, посвященных критике тех или иных недостатков.

Журналисту, пишущему рецензию о новой пьесе, уместно подчеркнуть, что

«...Бывают такие пикантные положения в драматической литературе, когда не знаешь сказать наверняка, что именно лишнее: хорошо бы и такой акт выкинуть, да и такой-то, пожалуй, не дурно... а не вычеркнуть ли всю пьесу? Гм... жалко! но с другой стороны, что же делать, мой друг?»

(«Петербургские театры». Гл. I).

При посещении балетной постановки следует вместе с Щедринным повторить:

«Я люблю балет за его постоянство. Возникают новые государства; врываются на сцену новые люди; нарождаются новые факты; изменяется целый строй жизни; наука и искусство с тревожным вниманием следят за этими явлениями, дополняющими и отчасти изменяющими самое их содержание — один балет ни о чем не слышит и не знает».

(«Признаки времени». Гл. VIII).

Вам представляется возможность, смотря по обстоятельствам, характеризовать не в меру влечерчивого оратора так:

«Особливо был тут один черноватенький: запоем, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потом и переливается, и переливается... даже словно журчит весел! Авдотья Степановна, второго диакона жена, сказывала, что ему по два дня есть ничего не давали, чтоб голод чище был!»

(«Святочный рассказ»).

В вашем учреждении, возможно, найдется такой человек, который изгибается в три погибели, увидев начальника. Не возбраняется в очередном номере стенной газеты поручить самодеятельному художнику оформить карикатуру, а эпиграфом к карикатуре поставить слова:

«Минутное молчание, в продолжении которого влетает в комнату муха и садится графу на нос. Граф хочет ее изловить, но убеждается, что это горздо труднее, нежели уловлять людей. Наконец Подхалимов успевает переманить муху на свой нос».

(«За рубежом». Гл. III).

О некоторых полотнах, экспонированных некоторыми художниками на некоторых выставках, у Салтыкова-Щедрина сказано буквально следующее:

«...подмалеванный портрет, в котором художник тщетно пытался что-то изобразить и наконец бросил, подписав внизу: «Гальматья».

(«Пестрые письма». Гл. III).

О Курском облисполкоме, забывшем, что на его попечении находятся не только областная центральная, но и малые города, можно сказать словами Щедрина:

«Дни проходили за днями; город был забыт. Начальство, не получая ни жалоб, ни рапортов, ни вопросов, сначала заключило, что в городе все обстоит благополучно, но потом мало-помалу совершенно выпустило его из вида, так что даже не поместило в список населенных мест, доставляемых в Академию Наук для календаря».

(«Помпадуры и помпадуриши». Гл. XI).

ГЕББЕЛЬС И ГЕРМАНИЯ

Рис. К. Рогова

«Союзы между молодыми людьми устраиваются не иначе, как сообразно росту и телосложению, так как это удовлетворяет требованиям правильного и красивого фронта».

(Н. Щедрин «История одного города»)

О чувстве юмора

Если у человека нет чувства юмора,— это страшно. Вдвойне страшно, когда это чувство отсутствует у журналиста.

Рассказываешь ему что-нибудь смешное, а он смотрит на тебя тусклым взглядом. И вдруг начинает молотить такую чепуху, что слушаешь и думаешь: «Как жестоко природа поступает с некоторыми людьми!»

Вспоминаешь при этом щедринские строки: «Скучно видеть людей, которые разучились смеяться, которых мысль постоянно находится в отсутствии». Такой вот человек, благоразумно скрывшись под псевдонимом «А. Фонштейн», наднях написал в «Вечерней Москве» безмерно длинную статью под заглавием «О чувстве меры». В этом сочинении попадаются и кое-какие мысли, например:

«В первомайском номере «Крокодила» опубликована «поздравительная телеграмма, вызывающая чувство недоумения и неловкости: «Братьям Тур. Спасибо, братцы! Кузьма Крючков»... Выходит, что братья Тур повинны не только в фальши и лакировке, а и в том, что, так сказать, «степень» их патриотизма сродни патриотизму Кузьмы Крюčkова, олицетворяющему квасной монархический патриотизм».

Крокодил напечатал шуточную телеграмму, а Фонштейн неуклюже пытается декламировать о патриотизме. Жалко такого человека...

Тем более, что все косноязычные руссуждения о Кузьме Крючкове и прочем — лишь вступление к большой и скучной статье о Я. Гринвальде. Гринвальда кто-то обижает в печати, а читатель «Вечерней Москвы» необходимо срочно оповестить, что Гринвальд — хороший человек. Короче говоря, один сотрудник «Вечерней Москвы» восхваляет другого сотрудника «Вечерней Москвы».

Крокодил благодарит Фонштейна: все-таки он доставил ему лишний случай посмеяться. Но навряд ли Гринвальд будет благодарен своему защитнику. Не по-товарищески поступил с ним Фонштейн: ни за что, ни про что поставил человека в смешное положение. Нет, Гринвальд не скажет Фонштейну: «Спасибо, братец»...

КРОКОДИЛ

Тел. №	Плата	Передатчик
Слов	руб. и к.	го ч. м. пор. №
Посл. и подел.		в пр.
Принят	Итого	Передатчик
	Сл.	Служ. отметка

Народный Комиссариат Связи СССР

Изд. № _____

Сл. _____

Куда — ХЕРСОН ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРОДСКОГО СОВЕТА
Кому — СКОРОХОДУ ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

СВЯЗИ ЩЕДРИНСКОЙ ГОДОВЩИНОЙ УДОВОЛЬСТВИЕМ ОТМЕЧАЕМ ВАШИ НЕОЦЕНИМЫЕ ЗАСЛУГИ ДЕЛЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЩЕДРИНСКИХ ГЕРОВ ТЧК ВАША ПЛОДОТВОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХЕРСОНСКОЙ НИВЕ ВЫЗЫВАЕТ ВСЕОБЩЕЕ ВОСХИЩЕНИЕ ЗПТ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ВАШЕМ ЛИЦЕ ИМЕЕМ ДОСТОЙНОГО ВОСПРЕЕМНИКА ГЛУПОВСКОГО ГРАДОначальНИКА ПЕРЕХВАТ ТИРЕ ЗАЛИХВАТСКОГО ТЧК ПОСЛЕДНИЙ ОГРАНИЧИЛСЯ УПРАЗДНЕНИЕМ НАУКИ ЗПТ ВАМ ЖЕ УДАЛОСЬ ЗАКРЫТЬ ЕДИНСТВЕННУЮ ХЕРСОНЕ ПРАЧЕЧНУЮ ЗПТ ЛИКВИДИРОВАТЬ КРАСИЛЬНУЮ МАСТЕРСКУЮ ТАКЖЕ ДВА ПУНКТА ХИМИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ ЗПТ УПРАЗДНИТЬ ЕДИНСТВЕННУЮ ГОРОДЕ ШВЕЙНУЮ КВЧК АМЕРИКАНКИ КВЧК ТЧК ВАШЕГО ВЕДОМА СОКРАЩЕНЫ ЧАСЫ РАБОТЫ ГОРОДСКОЙ БАНИ ТЧК ТЕЛЕГРАФЬТЕ СРОЧНО ЧТО ЕЩЕ СОБИРАЕТЕСЬ ЗАКРЫТЬ

КРОКОДИЛ

Вниманию командированных

(По материалам одной докладной записки)

Скоро граждане и гражданки с путевками в кармане стремительным потоком понесутся на юг, к солнцу. Вместе с ними умчатся к живописной природе и многие сотни командированных. Предвидя это обстоятельство, мы и решили рассказать историю, имевшую место в прошлом году и еще не законченную по сей день.

19 июля прошлого года инженер Гипросахара А. П. Воронцов был командирован на Советский сахарный завод, что в Курской области.

21 июля Воронцов прибыл на завод, прошелся по строительству, переговорил с дирекцией по поводу смет. Все шло чин чинном. Хотел было Воронцов набросать оперативный план действий, как вдруг...

Но предоставим слово самому Воронцову. Лучше его никто не опишет этих событий. А описаны они Воронцовым в официальной докладной записке на имя начальника административно-хозяйственного отдела Гипросахара:

«В три часа дня пошел обедать на станцию Кшень, где выпил вина более, чем это было бы нужно. Вечером смотрел футбольный матч Кшень — Щигры. После опять закусывал на вокзале с приложениями.

В сильно выпившем состоянии 22-го в 2 часа утра уехал в Курск (спал в вагоне). В Курск приехал утром и пошел на реку купаться. Там пробыл до вечера, затем вечерним поездом выехал в Кшень, куда приехал в 4 часа утра 23-го. Дело, конечно, не обошлось без выпивки. Весь день 23-го пробыл на реке, вокзале и поселке и в выпившем состоянии в 4 часу утра 24-го выехал с поездом в Воронеж (в вагоне спал). Приехал в Воронеж 24-го утром и опять направился на реку купаться и опять вечерним поездом выехал в Кшень, куда приехал 25 июля утром...»

Одним словом, Воронцов как две капли воды напоминает дореформенного предводителя, который, по словам Салтыкова-Щедрина (см. «Попехонские рассказы. Вечер второй»), «из географии знает только имена тех городов, в которых что-нибудь закусывал («Крестцы? Это где мы поросенка холодного с Семен Иванычем ели! Знаю!»).

Пусть не подумает читатель, что А. П. Воронцов забыл о своих прямых обязанностях. Ничего подобного:

«Правда, я все время стремился попасть в Кшень, но расстройство нерва не дало возможность вернуться на Советский сахзавод. Прибыв на станцию Кшень 27-го вторично с поездом в 2 часа, уехал в Курск и провел день до вечера так же, как и в первый раз...»

Тем временем на Советском сахарном заводе события развертывались с молниеносной быстротой. В тот самый день, когда Воронцов обедал «с приложениями», на заводе поднялась тревога: пропал инженер. Дирекция завода молниевольно в Москву, в Гипросахар. Гипросахар не на шутку встревожился. Одна за другой полетели телеграммы из Москвы в районную и областную милицию.

Все было поставлено на ноги. Как вдруг 28 июля пропала обнаружилась. После долгих странствований, когда «расстроенные нервы пришли в порядок», Воронцов утренним поездом приехал на завод, откуда его, естественно, уволили.

На этом историю служебной командировки инженера А. П. Воронцова можно было бы закончить и на том преспокойно поставить точку, если бы в дело не вмешалась Дроздова — инспектор труда ЦК союза сахарников.

Спустя несколько месяцев после своего увольнения Воронцов пожаловался, что ему неправильно оплатили суточные и квартирные, что у него неправильно удержали за восемь дней прогула, в то время как он фактически прогулял только шесть дней.

Инспектор труда Дроздова сочла «законными» требования пьяницы и прогульщика.

Выходит, что за все дни, когда Воронцов пил в вокзальном ресторане, отрезвлялся на реке и отсыпался в вагонах, ему должны быть выплачены квартирные и командировочные.

***

Мы рассказали обо всем этом с чисто профилактической целью. Граждане командированные, не унывайте: есть еще в профсоюзах сердобольные Дроздовы!

Е. ВЕСЕНИН

ИГРА В БИРЮЛЬКИ

Мы вас жалеем, товарищ читатель, мы не станем приводить вам всего того вороха бумаг, который накопился в деле об электрификации пригорода города Каменска (Ростовская область), расположенного на левом берегу реки Северного Дона. Скажем только, что в пригороде живет около четырех тысяч человек. 70 процентов — рабочие и служащие, 30 процентов — колхозники.

Заместитель начальника Ростовского областного отдела коммунального хозяйства Коржев орлиным своим оком усмотрел, что в пригороде имеется 30 процентов колхозников. Этого достаточно, чтобы Коржев вынес такую резолюцию:

«...ввиду большой заинтересованности колхозов в электроснабжении, Облкомхоз считает наиболее целесообразным вопрос об электрификации сельсовета передать в Облзу...»

Ну что же, по линии облзу, т. е. земельного управления, — так по линии земельного управления. Но и тут есть тоже свой начальник. И сидит он уже не в области, а в Москве, в Наркомземе. Называется он начальником Главсельэлектро Наркомзема СССР Королевым. У Королева взгляд наметан не хуже чем у Коржева, и он сразу замечает, что 70 процентов населения пригорода — рабочие и служащие. И потому Королев охотно отпихивает от себя левой ногой дело электрификации, отпихивает в тех же почти выражениях, как и начальник Коржев. Вот резолюция Королева:

«Из вашего письма как будто явствует, что этот поселок не является сельскохозяйственным поселком, а поселком городского типа, электрификация в которых проводится не Наркомземом, а Наркомхозом РСФСР за счет его фондов».

...Не о таких ли начальниках писал в свое время Салтыков-Щедрин:

«...С одной стороны, он чувствовал, что ему делать нечего; с другой стороны, тоже чувствовал — что ничего не делать нельзя. Поэтому он затеял нечто среднее, что-то такое, что до некоторой степени напоминало игру в бириульки».

Наверное, о таких. Даже обязательно о таких.

«ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО ВОСХИЩЕНИЯ»

На эту волнующую тему, товарищи, накопилось уже немало художественной литературы. Кажется, в «Лестнице славы» Скриба несколько светских молодчиков впервые создали общество, деятели которого обязаны были восхищаться друг другом.

Правда, в списках действительных членов этого содружества имена литераторов Анатолия Виноградова и Александра Дейча не обнаружены.

Но уже наш великий юбиляр, дорогой Михаил Евграфович, с прозорливостью, свойственной этому острому сатирику, приготовил для А. Дейча такие строки:

«— Я собрал вас здесь, прежде всего, чтобы заявить во всеулышание, что горжусь вами. При чем, конечно, ожидаю, что и вы, в свою очередь, будете мною гордиться...»

И, безусловно, в А. Виноградова направлена последующая ядовитая щедринская стрела:

«— Только взаимное и непрерывное горжение друг другом может облагородить нас в собственных глазах наших...»

Однако будем держаться ближе к упорным фактам.

11 апреля 1939 года газета «Известия» напечатала статью Александра Дейча о книге Анатолия Виноградова.

В тот же самый памятный день 11 апреля того же 1939 года газета «Комсомольская

правда» напечатала статью Анатолия Виноградова о книге Александра Дейча.

Если из статьи Дейча мы узнали, что «Анатолий Виноградов, около 25 лет занимающийся изучением Стендаля», «воссоздает яркий и многообразный образ на широком историческом фоне эпохи», «находит новые черты в биографии», «красочно излагает жизнь великого французского писателя» и т. п., то из статьи Виноградова нам становится известным, что книга Александра Дейча среди прочей литературы, вышедшей к юбилею Шевченко, «выгодно отличается художественной легкостью изложения», «убедительной характеристикой эпохи крепостничества, данной в виде фона», «дает связную картину жизни украинского гения», вообще «такой книги еще не было» и «ее следует выпустить увеличенным тиражом и дать в переводах на иностранные языки».

До самого последнего времени «Общество взаимного восхищения» энергично работало главным образом на театре. Почти перед каждой премьерой начиналось «непрерывное горжение друг другом». Режиссер заявлял, что он счастлив ставить такую эпохальную пьесу; драматург доволен, попав в руки эпохального режиссера; художник безумно рад; приятно старому эпохальщику поработать в такой эпохальной компании...

Увы, теперь эти щедринские пакты о «взаимном горжении» перекинулись, повидимому, и в литературную критику.

БЫЛИ БЫ КОЛЕСА

«— Стало-быть... потихоньку можно? — робко спрашивает Давидов.

«— Потихоньку... можно; все потихоньку можно, — отвечает либерал Хдестаков». (САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН «Признаки времени»).

Как зовут сына начальника Главхлопка Наркомзема СССР товарища Чуенкова, мы не знаем, и это единственный пробел во всей истории, которую хотим рассказать. Потому что с сына все и началось.

Захотелось Чуенкову-младшему иметь велосипед. Детский двухколесный велосипед. Любящее сердце отца — не камень. Чего не делает отец ради ребенка, тем более что у Чуенкова сын, вероятно, — отличник учебы или имеет еще какие-нибудь другие заслуги.

Мы не станем утверждать, что сыновняя заявка на велосипед заслонила все оперативные дела Главхлопка (у нас на этот счет никаких документальных данных нет), но Чуенков не стал откладывать реализации этой заявки в долгий ящик:

«— Неудобно же, в самом деле, с детьми обращаться, как со взрослыми.

Товарищ Чуенков вызвал к себе заместителя управляющего конторой хлопкоснабжения товарища Траинина.

«— Мне нужен велосипед. Детский.

«— Детских не держим, — извиняюще улыбнулся товарищ Траинин. — На складе есть велосипеды для взрослых. Правда, они предназначены для премирования стахановцев-хлопко-

робов...»

«— Не беспокойтесь, я обменяю. Были бы колеса.

«— Как же это оформить?»

«— А вы потихоньку, без особого шума.

«— Стало-быть... потихоньку можно? — робко спросил Траинин.

«— Потихоньку... можно; все потихоньку можно, — ответил Чуенков.

Вызвал тогда к себе Траинин агента и предложил выписать со склада велосипед для товарища Чуенкова.

Агент несколько смутился:

«— Как же так это оформить?»

«— А вы потихоньку... Без лишнего шума.

«— Стало-быть... потихоньку можно? — робко спросил агент.

«— Потихоньку... можно; все потихоньку можно, — ответил Траинин.

Велосипед был выписан. Один агент доставил его со склада на квартиру к товарищу Чуенкову, другой агент обменял этот «взрослый» велосипед на детский. Шофер благополучно доставил велосипед Чуенкову-младшему.

Радость Чуенкова-сына (имя, к сожалению, пребывает в неизвестности) не поддается описанию.

А в Главхлопке, как и предсказывал товарищ Чуенков, дела попрежнему идут потихоньку...

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

«Страсть строить на «песце» была доведена в нем почти до иступления. Дни и ночи он все выдумывал, что бы такое выстроить, чтобы оно вдруг, по выстройке, грохнулось и наполнило вселенную пылью и мусором. И так думал, и этак, но настоящим манером додуматься все таки не мог».

Так писал об одном из своих героев в «Истории одного города» М. Е. Салтыков-Щедрин.

Но один наш современник превзошел, оказывается, щедринского героя.

24 апреля 1939 года в газете «Горьковская коммуна», в отделе «Происшествия», под

скромным заголовком «Несчастный случай» сообщается:

«21 апреля днем с пятого этажа центральной гостиницы упал кусок карниза, плохо закрепленный по небрежности строителей. Упавшими кусочками штукатурки нанесены ушибы в голову проходившему случайно по тротуару под карнизом инженеру Реутову, бывш. прорабу строительства этого здания. Пострадавший на автомобиле скорой помощи доставлен в больницу».

Вот что значит строить на свою голову...

ПСИХИЧЕСКИЙ РЕБУС

Конечно, Коалов — не Забуддыгин. Но все-таки...

Кстати, к сведению читателей сообщаем, что работает Коалов в селе Ново-Троицком, Орджоникидзевского края. Он работает управляющим аптекой. Аптека эта числится за № 141.

А остальное читатель поймет из прилагаемых писем, числом шесть.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

В Аптекоуправление

Задержал отчет, так как у меня не было бланков № 13, которые я только что получил из аптеки № 138.

Управляющий аптекой Коалов.

12 мая 1938 г.

Справка экспедиции: Бланки посланы 26 апреля 1938 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

В Аптекоуправление

Так сильно задержал отчет потому, что жена моя болела пять дней и лежала в кровати по предложению врачей и сам не могу переносить этой невыносимой жары. Больше задерживать отчетов не буду.

Управляющий аптекой Коалов.

15 августа 1938 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

В Аптекоуправление

Доношу что две недели болею в сильной форме дизентерией. Перед праздниками в аптеке был ремонт и побелка. Жена во время моей болезни всю канцелярию с архивом убрала на время ремонта в отдельные ящики. В результате я до сих пор не мог найти сентябрьского отчета, чтоб внести остаток на 1 октября в ноябрьский отчет, а потому отчет задержал.

Управляющий аптекой Коалов.

15 ноября 1938 года.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

В Аптекоуправление

Сообщаю, что задержал таксированную опись потому, что заболел почками и очень сильно. Это у меня новая болезнь, нажитая здесь.

Искал причин недостачи потому, что в отношении товаров я как будто акуратный стал. Небольшая недостача у меня должна быть.

Управляющий аптекой Коалов.

31 декабря 1938 г.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

В Аптекоуправление

Сообщаю, что задержал отчет за февраль потому, что товарищ Баранов делал у меня глубокую ревизию, дальше уж некуда.

Управляющий аптекой Коалов.

7 февраля 1939 г.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

В Аптекоуправление

Задержал отчет вследствие болезни. Появился у меня в ухе очень болезненный нарыв и ячмень на глазу.

Управляющий аптекой Коалов.

15 марта 1939 г.

Конечно, Коалов — не Забуддыгин. Но все-таки вспоминаются слова М. Е. Салтыкова-Щедрина:

«Что же касается Забуддыгина, то человек этот представляет некоторый психический ребус, доселе остающийся неразгаданным».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 510

Сдача текста и рисунков 8/V 1939 г.

Подп. к печати 15/V 1939 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—7723 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1455. Тираж 275 000 экз.

45

ОБЯЗАТЕЛЬНО
 21 МАЯ
 ПОЛУЧИТЬ ПОДАРОК

	всего	„Лег- че“	„Журн. лет“
Получ. в...	2312		
Сдан в архив	2312		

Воскресное Калужское шоссе
 26 1933
 АРХИВ

«Ужели они (немецкие офицеры) мечтают, что германское знамя появится на Ярославском шоссе и село Братовщина будет примежевано к германской империи?»

(Н. Шедрин «Мелочи жизни»)